

Возможности тяжести

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_304

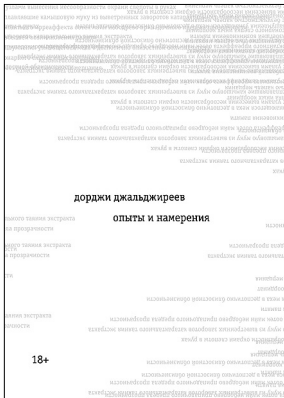
Джалджиреев Д. **Опыты и намерения** / Предисл. А. Глазовой

СПб.: Порядок слов, 2022. — 60 с.

Говорят о завораживающем впечатлении¹ от стихов Дорджи Джалджиреева, кому-то они кажутся магическим заклинанием, кому-то бредом. Некоторые кураторы не уклонились от соблазна попытаться их пригладить, привести к чему-то более привычному. Жюри премии Драгомощенко, лауреатом которой Джалджиреев стал в 2021 году, от непривычности, к счастью, не уклонилось. Но в то же время это стихи вполне рациональные, постижимые и читаемые.

...с непреднамеренностью осевоядного внедрения в инициацию периодики
инерционной неопределённости недостаточности пространства
в узнающейся рефлекторности самораскрытия объекта
вниманием т.е пресыщением повторяемости
влекущим забросы полужначности масштаба
закоротившегося самовоспоминания.

(С. 42)

Осевоядного — слово-бумажник в духе Льюиса Кэрролла. Там и осы, и ось, и яд, и поедание. Вот этим всем перечисленным человек попадает, сам того не желая, в инициацию-посвящение во что-то повторяющееся, инерционное, недостаточное, слишком узнаваемое. «Пресыщение повторяемости» усиливает чувство инерции. Замкнутая коротко, сама на себя, ситуация, которая кроме себя самой ничего вспомнить не может. Все это мелкое, не значащее, а полужначащее. Резюмируя одну из возможных интерпретаций данного фрагмента: попытка передать ощущение тошноты от повторяемости, в которую человек втянут не по своей воле.

В стихах Джалджиреева весьма редко «я» — чаще это спокойный взгляд в пространство, не замутиненное желанием и пристрастиями смотрящего. Внимание человека, заинтересованного в мире, но не привязанного к нему: «научи меня исповедальностью безучастия» (с. 43). Мир во многом чужой и чуждый, из «тёмновскипающих ракушечников // вылакавших сухожилия моих отцов» (с. 16). Отсюда нередкое в стихах слово «удушливость» и производные от него

1 *Осьминкин Р.* Прологомены к поэзии 2020-х: Дорджи Джалджиреев и новый мифотворческий (?) поворот // Сигма. 2021. 16 сентября (<http://syg.ma/@roman-osminkin/prolieghomienuy-k-poezii-2020-kh-dordzhi-dzhaldzhiriev-i-novyi-mifotvorchieskii-povorot>).

(с. 26, 28). И природа не благостна: у птиц оскал, у реки неизбежный гнев (с. 10). Автор отвечает на это не причитаниями или проклятиями, а спокойствием, попыткой понять и найти живые места. Возможно, отчасти Джальджиреев опирается на бесстрашие буддизма, религии его родины — Калмыкии. Но «местный колорит» в его стихах практически отсутствует. Он не желает идти по пути наименьшего сопротивления, демонстрируя свою принадлежность к меньшинствам, нажимая на постколониальную проблематику (об этом говорит и Р. Осминкин: «...буддизм и тенгрианство применительно к поэзии Джальджиреева не укладываются в прагматику миноритарной литературы и политики идентичности, а выступают в роли своеобразной онтоэпистемологии — динамичного и диалектического единства бытия и познания»²). Джальджиреева интересуют гораздо более общие вопросы, и его опора в большей степени — европейская рациональность, философия, недостаточную гибкость которых он стремится преодолеть при помощи языка и визуальных средств. Очень активно используется графика текста. Двумя разветвлениями идут, например, «(равновесие памяти)» и «(беспамятство перспективы)» (с. 49). У Джальджиреева есть и стихи, близкие к визуальной поэзии, однако в книгу они не вошли, возможно, из-за типографских сложностей. Много знаков |, /, которые скорее разломы, чем скобки. Поэтому для обозначения раздела строк далее используется знак \\\, вроде бы отсутствующий у Джальджиреева.

|зрение|-/отброшенная траектория/-/миражирующей периферийности/
 вышедшей ломкой переимчивостью |узора воспроизводимости|
 наблюдаемостью сновидения мозжечка как самовосполняемость|
 имеет быть как продолжение звука
 предугадывая на феномен вариативной исполнимости |звук как побег места|

(С. 44)

Это фактически трактат о взаимодействии зрения и звука, натурфилософская поэзия. В предисловии к книге А. Глазова отмечает субстантивированность свойств через суффикс «-ость» (с. 8), между тем у Джальджиреева много и других средств обобщения. Это именно философская поэзия с большим количеством терминов и высоким уровнем абстрагирования. Но философский тип речи, ориентированный на термины, понятия, немедленно поддерживается поэтически-фрагментарным, ориентированным на состояния и предметы.

являют прогнозирование как первую форму
 гибридной коммуникативности
 обнаруживаемой в регенерации
 /пластичность/ /чувство подавления/ /поиск/

(С. 49)

А. Глазова говорит о большом разнообразии типов речи в книге, от разговорного до энциклопедического (с. 6). Можно добавить и фольклор: «пряла окатистая лиса \\\ дрёмное рещё из каркаса» (с. 16). Но Джальджирееву всего этого недостаточно, не хватает и словаря, он старается его увеличить: «поуведенья

2 Там же.

пятившихся проводимостей \\ заобладания разможенных скважин засобности / в выведенность блажного оречевидения» (с. 15). Пять неологизмов на десять слов. Наследие футуризма, Кручёных и Хлебникова. Есть фрагменты только из неологизмов: «неотсень осмось обмирно осердые» (с. 22).

Акцент Джальджиреева — на незавершенности. Как пишет А. Масалов, у Джальджиреева «субъект и текст преодолевают отношения владения друг другом через концепт “неготовности”»³. Наличествующее — недосказанность (с. 51). Чем более в предмете «уклончивости \\ от того чтобы быть завершённым \\ или даже не начавшимся / тем чутче работа мастера» (с. 35). Так получается и язык, в который «невозможно ничего спрятать» (там же). «Сложные» тексты — не шифровки, а репрезентация мира в его многосвязности и подвижности. «Шифровкой» скорее является обычное описание, когда к тому или иному состоянию лишь привешивается слово, будто бы его содержащее. Необходимо не прямое выражение, «способ изобразить кистью \\ избегание бумаги» (с. 29). «Речь призывается исключениями» (с. 38), может быть, потому, что правила слишком очевидны (и очевидно не-личны), чтобы о них говорить. Есть «соблазн очевидностей» (с. 41). А для встречи с подвижностью мира нужен перетекающий синтаксис. «ведь не вернёшься к тому \\ к чему для начала приходилось сохранять анонимность \\ или причитать сокрушаясь» (с. 24) — не вернешься к тому, к чему — но одновременно и к чему, то есть зачем, сохранять анонимность. Части речи подвижны: «ещё никогда не было так тяжело ждать теперь» (с. 26) — в этой строке «теперь» играет роль скорее имени существительного, того, что ждут.

Всматриваться означает делать постоянные оговорки. Не столько пояснения, сколько указания на существование совсем иного (в данном случае аффектации и противодвижимости): «покрывается поглощением окружной узнаваемости путем тотализации сходств/аффектация периодичности/ /противодвижимость/ в застывшую вспышку» (с. 50). Слова «ведь я никогда не умру» (с. 47) предыдущего стихотворения немедленно ставятся под сомнение в следующем: «я умру в своей кровати \\ и за выморщинистой постелью \\ меня не окажется» (с. 48). Ведь и неопределенность тоже может быть инерционной (с. 42), не рискнувшей развернуться в определенность действия. Да, оплошностью являются и звук (с. 23), и отзвук (с. 22) — любое действие не точно, но без действия невозможно.

Чтение Джальджиреева требует медленности и чуткости ко многому, содержащемуся в языке и мире. Согласия на множественность, на невозможность окончательного ответа. Что значит «лишённой значения но вызначающейся» (с. 42) — старающейся стать значением, выкручиваясь в напряжении? или только выпендривающейся, притворяющейся имеющей значение? или выделяющей значение при распаде, чем-то вроде выщелачивания? или нечто «кочует между порождающим и критически осмысляющим себя началом»⁴? Скорее всего, имеются в виду эти и многие другие возможности. Возможность — действительно способ коммуникации (с. 51). «Как и станется могойлой отца для тебя \\ спицей вползшей в колесо велосипеда» (с. 42) —

3 Масалов А. Сопроводительное письмо к стихам Д. Джальджиреева, номинируемым на премию Драгомощенко // Сайт премии Драгомощенко. 2021. 19 августа (<http://atd-premia.ru/2021/08/19/dordzhi-dzhaldzhireev-rossiya-elista/>).

4 Там же.

спицей-опорой колеса? или палкой, разрушающей колесо? и это говорится о заворуженной скорости, могила становится ей как мгновенность воспоминания? Оформление книги очень удачно — на некоторых страницах выцветшие и накладывающиеся друг на друга строки, палимпсест, но не средневековый рукописный, а современный типографский. Многослойность современного сознания.

Предшественник Джальджиреева, скорее всего, Михаил Ерёмин с его концентрацией смыслов и иератической торжественностью. Вместе с тем цветы, «что увидят бога — \ \ они примут его за крик на стене» (с. 31) могли быть у Андрея Сен-Сенькова во внезапном открытии огромного в малом и неожиданном. У Сен-Сенькова с Джальджиреевым общее и внимание к музыке и философии. Однако Джальджиреев хотя и в Европе, но на грани Востока. Слова «вспомяни в полдневный час \ \ как воспламенялись крыши пирейских теков...» (с. 39) напоминают просвеченное, безнадежное, остановившееся пространство Шамшада Абдуллаева, на которое человек отвечает стоическим спокойствием. Сейчас оказалось, что мы на востоке гораздо дальше, чем думали.

Никаких звездочек в начале стиха. Книга скорее единый континуум. И ее начало — с памяти. Автор с любыми погибшими — своего народа или древнеримскими. Это его семья. Но он отказывается воспринимать погибших как жертв. Мир их и из них. Подвижность стихии и надежность стены. А убивавший не станет ничем. «но мы не сможем быть жертвами \ \... \ \ мы станем стихией \ \ первой стеной \ \ второй стеной \ \ третьей и четвертой стеной» (с. 12). Мир порой слишком тесен: «так мало места \ \ чтобы стать мёртвым» (с. 10), «раны твои клубящиеся свёртыванием тесноты» (там же). Мир полон и тяжёл, тяжесть ворочается: «вослед лучепёрому выщеживанию ощеренного подпущения выверженных окружений столпной россыпи отражённного наполнения обесгвоженности выворотного стягивания смещений наростного отверстия» (с. 13). Но Мандельштам говорил: «из тяжести недоброй // и я когда-нибудь прекрасное создам». Хотя речь скорее не о прекрасном, а о живущем.

Постоянная рефлексия, оглядывание, никакой увлеченности потоком речи.

/что перенасыщает каждое вещество к
преодолению создания/
обморочностью лезвия крадучись началом прерванного жеста
обращаясь к форме как к надрезу предела

(С. 44)

— как выйти за пределы? обмороком, тайком или раной. Стихи Джальджиреева — тяжелое продвижение, накапливание энергии. Энергии не мифа, не общности, именно личной. Для мифологии это слишком рефлексивно и индивидуально. Если согласиться с тем, что поэзия вне мифа вообще невозможна, то во всяком случае доля мифа у Джальджиреева невелика. Личный опыт — не миф. Порой происходит некоторый перегрев речи за счет старых поэтизмов: «несвершаемое» (с. 14), «воздаяниях» (с. 18), «длань» (там же), «умас-ти» (с. 23), «пронзённых» (с. 47). Порой это скрежет речи Державина или витийствование любомудров барокко. Обилие слов из 5—6 слогов, причем расположенных рядом: «в контрапунктурность неприсутственности размерного» (с. 15), стихи скорее для чтения глазами, чем произнесения — но не становится ли такой вообще вся современная «сложная» поэзия? А. Масалов примени-

тельно к стихам Джальджиреева говорит об «энергии становления и циркуляции материи»⁵, а становление гладко не происходит.

«как из арамейского кремня / орнамент топких танцев \\ высекает обводную фразировку вынесения \\ тысяч горизонтов» (с. 19) — возможно, это танец слов, помогающий разнообразию мира проснуться из камня. Но танец и тел, только чьих? танец тафуров (с. 20), это очень бедные (или принявшие обет бедности) воины, вооруженные разве что дубинами и ножами, босоногие, грязные — и жестокие в бою. Они не желали иметь ничего общего с феодальной иерархией, не имели сеньоров. Независимость, бедность — и танец. Собирающие внутри, сжимание пружины. «в обезыскомых точках затаения буйства» (с. 22). Одушевлены не только предметы, но и материалы, у металла тоже есть инициация (с. 49). «ты улыбалась запрокинув голову во вьющийся камень» (с. 17) — Джальджиреев не забывает и о проблеме встречи с другим человеком, который тоже каменеет. Смех — возможность быть более наблюдательным (с. 25). От страха стремятся избавиться — но страх может предвидеть (с. 53). И есть язык, который «не ждёт ответа \\ поэтому не может быть защитой \\ и уж тем более \\ оправданием» (с. 36). Язык личной ответственности вне попыток опереться на что-то социальное. «оно было о блаженстве \\ произносившись собой отчаянием» (с. 26) — возможно, именно расстроенный синтаксис пригоден для разговора о таких смесях.

Как быть в мире, где существовать, в общем, нельзя? «соверши мир открытым» (с. 28) — это наша работа. Открыть мир возможности, не-застывания — то есть свободы. Не только молодой поэт, но каждый только в «опытах и намерениях». Завершенности нет.

---

5 Там же.